

Z $\frac{51}{29}$

T.5.e.3. 1909

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михайловича

РУССКІЕ
ПОРТРЕТЫ

XXV-4350 XVIII и XIX столѣтій

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

2500
PORTRAITS
RUSSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

V томъ
3 выпускъ

TOME V
FASCICULE 3

1909

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГOTOВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ST. PÉTERSBOURG

MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ÉTAT

A

2007088106

A

Графъ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ САМОЙЛОВЪ, 1744—1814, былъ сынъ сенатора Николая Борисовича Самойлова (+ 1791 г.) отъ брака съ Маріей Александровной Потемкиной, сестрой князя Потемкина-Таврическаго. Начавъ службу въ 1760 г. рядовымъ Семеновскаго полка, Самойловъ участвовалъ въ первой Турецкой войнѣ и за бой подъ Силистріей получилъ орденъ св. Георгія 4 степени. Потемкинъ, получивъ силу, сталъ выдвигать племянника: Самойловъ былъ членомъ комиссіи для суда надъ Пугачевымъ и, пожалованный въ 1775 г. въ камеръ-юнкеры, въ 1776 г. былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Совѣта Императрицы, а въ 1787 г. членомъ этого Совѣта. Занимая видный гражданскій постъ и нося званіе камергера, Самойловъ не оставлялъ и военной карьеры: онъ участвовалъ въ Крымской экспедиціи 1783 г. и во второй Турецкой войнѣ; въ чинѣ генераль-поручика онъ отличился подъ Очаковымъ, Бендерами и Измаиломъ и получилъ ордена св. Георгія 2-й ст., Александра Невскаго и Владиміра 1-й степени. Онъ былъ въ числѣ русскихъ уполномоченныхъ на конгрессъ въ Яссахъ и лично привезъ въ Петербургъ ратификованный трактатъ, при чемъ Екатерина пожаловала ему 30.000 руб. и собственноручно возложила на него орденъ св. Андрея Первозваннаго. 17 Сентября 1792 г., въ виду неизлѣчимой болѣзни князя А. А. Вяземскаго, Самойловъ былъ назначенъ исправляющимъ должность генераль-прокурора для испытанія „на краткое время“, но во время празднованія Яскаго мира 2 Сентября 1793 г. былъ утвержденъ въ должности, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Получивъ 7 Февраля 1793 г. графскій дипломъ Римской имперіи, Самойловъ 1 Января 1795 г. былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи. Императоръ Павелъ, 4 Декабря 1796 г., уволилъ графа Самойлова отъ должности. Проживъ около 20 лѣтъ не у дѣлъ, графъ Самойловъ умеръ въ Кіевѣ 1 Ноября 1814 г. и похороненъ, рядомъ съ отцомъ, въ Николаевскомъ-Одринѣ монастырѣ, Карачевского уѣзда.

Недавно напечатанныя въ „Архивѣ Раевскихъ“ интересныя письма Самойлова къ племяннику его Н. Н. Раевскому рисуютъ его человекомъ просвѣщеннымъ, гуманнымъ, прекрасно владѣющимъ перомъ и вполне грамотнымъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ о своемъ воспитаніи: „Родителей своихъ уважать есть не первый и не главный ли для дѣтей долгъ. Я имѣлъ отца, который душу свою полагалъ во мнѣ, а потому и все простилъ бы мнѣ, и хотя подъ конецъ дней его я имѣлъ большое отъ него неудовольствіе, я былъ въ лѣтахъ, въ чинахъ... но я не только не досадилъ ему словами, но даже безъ приказанія его не позволялъ себѣ сидѣть въ то время, когда стоялъ онъ, и принудилъ жену мою оказывать равное ему почтеніе, но и княгинѣ Долгорукой, которая и не жена его была; я любилъ его!“ Современники графа Самойлова находили, однако, что „всѣ его права на отличія“ заключались въ близкомъ родствѣ съ княземъ Потемкинымъ. Многіе изъ нихъ, иногда, можетъ-быть, не вполне безпристрастные, позволяли себѣ называть его „глупымъ, спесивымъ, грубымъ и безтолковымъ“, „скаредомъ и титулованнымъ дуракомъ“. Но князь Тавриды усиленно тянулъ вверхъ племянника. Быть-можетъ, графъ Самойловъ и обладалъ личною храбростью, но едва ли составители реляцій, въ угоду свѣтлѣйшему, не преувеличивали военныхъ подвиговъ его племянника. Какъ дипломатъ, онъ, по отзыву Безбородко, оказался „вовсе въ дѣлахъ не свѣдущимъ“. Назначеніе его генераль-прокуроромъ возбуждало во всѣхъ недоумѣніе: „Что за выборъ людей!“ писалъ Безбородко Воронцову, „напримѣръ, новый нашъ генераль-прокуроръ“. Воспоминаніе объ умершемъ, наиболѣе близкомъ спутникѣ жизни, рѣшило выборъ его племянника: вѣдь, когда Самойловъ послѣ смерти дяди явился въ Эрмитажъ, собраніе закрылось, „всѣхъ отпустили и съ Самойловымъ плакали“. На всякій случай Самойлову внушили, впрочемъ, чтобы „по сомнительнымъ и важнымъ дѣламъ онъ совѣщался“ съ болѣе умнымъ Державинымъ. Однако, въ Сенатѣ, по отзыву Державина, графъ Самойловъ себя не стѣснялъ: онъ не слушалъ никакихъ „резонансовъ“, „даже въ журналъ не допускалъ записать“. Завѣдуя множествомъ учреждений, начиная отъ Ассигнаціоннаго Банка и кончая Тайной Экспедиціей, Самойловъ лично не былъ человекомъ способнымъ, но онъ умѣлъ находить ловкихъ дѣльцовъ, въ родѣ П. А. Ермолова, которые и вели всѣ дѣла, предоставляя генераль-прокурору фигурировать отъ имени Сената на официальныхъ торжествахъ, въ родѣ провозглашенія Екатерины „Матерью отечества, Великою предъ лицомъ свѣта“.

(Съ миниатюры Ритта; собраніе Великаго Князя Алексѣя Александровича.)

Le comte ALEXANDRE NIKOLAEWITCH SAMOÏLOFF, 1744—1814, était fils du sénateur Nicolas Borissowitch Samoïloff († 1791) et de Marie Alexandrowna, née Potemkine, sœur du prince Potemkine de Tauride. Entré au service en 1760 simple soldat au régiment Sémenowsky, il fit la première campagne de Turquie, où la bataille de Silistrie lui valut St-Georges de 4e classe. Potemkine, devenu puissant, poussa son neveu, qui fut membre de la commission chargée de juger Pougatcheff et, gentilhomme de la chambre en 1775, devint en 1776 gérant de la chancellerie du Conseil de l'Impératrice, puis, en 1787, membre de ce Conseil. Avec cette éminente charge civile, Samoïloff, chambellan, cumulait le service militaire: il fit l'expédition de Crimée de 1783 et la seconde campagne de Turquie, où, général lieutenant, sa valeur sous Otchakoff, Bender et Izmâïl lui valut St-Georges de 2e classe, St-Alexandre Newsky et St-Vladimir de 1re classe. Il fut du nombre des plénipotentiaires russes du congrès d'Yassy, et vint en personne à Pétersbourg porter le traité ratifié à l'Impératrice, qui lui conféra 30.000 roubles et, de sa propre main, le décora de St-André. Chargé le 17 septembre 1792 à titre provisoire, en remplacement du prince Viazemsky atteint d'une maladie incurable, des fonctions de procureur général, il y fut titularisé à la célébration de la paix d'Yassy le 2 septembre 1793, en passant conseiller privé actuel. Comte du Saint Empire Romain le 7 février 1793, il fut élevé le 1er janvier 1795 à la dignité de comte de l'Empire Russe. Destitué par l'Empereur Paul le 4 décembre 1796, il passa près de vingt ans dans la retraite, mourut à Kieff le 1er novembre 1814, et fut inhumé près de son père au monastère St-Nicolas, à Odrino, gouvernement d'Orel.

Il a paru dernièrement dans l'Archive Raewsky d'intéressantes lettres de Samoïloff à son neveu N. Raewsky, qui le représentent comme un homme éclairé, à idées humanitaires, maniant parfaitement la plume et vraiment lettré. Dans une de ces lettres, il parle en ces termes de son éducation: „N'est-ce pas le premier et le plus important devoir des enfants d'honorer leurs parents? J'avais un père pour qui j'étais tout, et qui m'aurait tout passé. Sur ses vieux jours, il me fit un gros désagrément. J'étais pourtant d'un certain âge, haut placé! Or non seulement je ne me permis pas la moindre observation désobligeante, mais encore je me faisais un scrupule de rester assis sans sa permission quand il était debout; j'obligeai aussi ma femme à lui témoigner la même déférence, ainsi qu'à la princesse Dolgorouky, qui n'était pourtant pas sa femme: j'aimais mon père!“ Mais le plus clair des titres qu'on lui reconnaissait aux distinctions était sa proche parenté avec Potemkine. Souvent même on allait, non sans quelque parti-pris, peut-être, jusqu'à le taxer „de bêtise, de morgue, de grossièreté et de stupidité“, jusqu'à l'appeler „ladre et idiot titré“. Potemkine le hissait avec énergie; peut-être le neveu ne manquait-il pas de bravoure personnelle, mais les auteurs de relations grossissaient bien un peu ses exploits guerriers pour complaire à l'oncle. Comme diplomate, Bezborodko le déclare complètement incapable. Sa nomination de procureur général fit l'étonnement universel: „Quelles nominations il se fait!“ écrivait Bezborodko à Worontzoff, „par exemple, notre nouveau procureur général“. Ce fut encore la mémoire de l'oncle, du fidèle auxiliaire de toute la carrière, qui fit pencher la balance: lorsque, au lendemain de la mort de Potemkine, son neveu vint à l'Ermitage, la séance fut levée, „on renvoya tout le monde et on resta à pleurer avec lui“. A tout hasard on lui fit entendre, „dans les cas douteux et graves, de recourir au conseil“ plus avisé de Derjavine; ce qui n'empêche qu'au Sénat, dit Derjavine lui-même, il ne se gêna nullement, ne voulant entendre aucune raison, „s'opposant même à l'insertion au procès-verbal“. Directeur de nombreuses administrations, depuis la Banque d'Assignations jusqu'à la Chancellerie Secrète, Samoïloff, sans avoir personnellement aucune capacité, savait trouver d'habiles agents, dans le genre d'Ermoloff, qui faisaient tout, et lui-même n'avait qu'à représenter le Sénat aux cérémonies officielles, lorsqu'il s'agissait par exemple de proclamer Catherine „Mère de la Patrie, Grande à la face du monde“.

(D'après une miniature de Ritt, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)